

СРЕДНЕВЕКОВАЯ И НОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Попов Г.Г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ*

Настоящая статья посвящена проблеме демографических циклов в степях Евразии и их связи с русским историческим процессом в средние века. Отстаивается идея, что демографические циклы кочевников оказали ключевое влияние на развитие Руси.

Ключевые слова: Средние века, Русь, Евразия, кочевники, демографические циклы.

Циклический характер исторического процесса – научно-философская концепция, отстаивавшаяся в прошлом веке многими учеными и мыслителями. Циклическая теория противоречит идее поступательного прогресса, ставшей базисом на протяжении ряда эпох как западной, так и отечественной исторической мысли. Согласно прогрессивной теории исторического развития, каждую эпоху со времен неолита общество делает шаг вперед. Таким образом, все эпохи связаны между собой линией прогресса, предыдущий исторический период опосредует следующий, поколения одной эпохи становятся преемниками своих предшественников, наследуя особенности их политического, экономического и культурного развития. Но если мы обратимся к русской истории, то связь преемства между историческими периодами нам достаточно сложно отыскать, например, если мы сопоставим Московское государство эпохи Ивана Грозного и Новгородскую республику времен Владимира Мономаха, то обнаружим между ними очень мало общего, а это – общественные системы одного этнографического пространства.

На слабую преемственность между периодами в российской истории обратили внимание евразийцы. Они проложили резкое разделение между допетровской Русью и последующими периодами отечественной истории, между Киевским государством и Русью монгольского периода. Такая интерпретация российского исторического процесса в корне противоречит объединявшим между собой в логическое целое различные эпохи русской истории советским и некоторым дореволюционным историкам.

Евразийцы, как Н.М. Карамзин, шли от внешнего воздействия на историю России. Если для С.М. Соловьева и представителей государственной школы Русь – это замкнутый в себе организм, слабо подвергнутый влиянию извне, то, в понимании евразийцев, Русь – крайне открытая система, сильно трансформируемая другими обществами и долгое время являвшаяся лишь частью

* © Попов Г.Г.

целого – Монгольской империи и Золотой Орды, отсюда происходит такая непохожесть между собой эпох русской истории.

Внешнее воздействие как ключевой фактор конструирования русского феодального государства признала советская историография [1], только в отличие от евразийцев, советские историки увидели в отношениях Руси и кочевников не симбиоз, а постоянную вражду. Заняв «непримиримую» по отношению кномадам позицию, советская историография зашла в идеологический тупик, поскольку официально существовал тезис о преимущественно добровольном характере вхождения тюркских и финно-угорских народов в состав Русского государства, хотя в 1920-е – первой половине 1930 гг. под влиянием школы Покровского отстаивалась идея феодальной агрессии Московского государства [2].

Принимая дореволюционную концепцию постоянной вражды народов леса и степи, советская историография отрицала свою же базисную идею об объединении Русью, а затем – Российской империей, ряда народов будущего СССР. В конце 1930-х гг. советская историческая наука повернула в иное русло проблему насильственного характера присоединения народов Поволжья, Урала и Сибири к Русскому государству, выдвинув концептуальную идею «наименьшего зла», согласно которой русская экспансия спасла народы Поволжья от турецких порабощения и ассимиляции [3]. В 1990-е годы однозначная оценка отношений кочевых и полукочевых народов Евразии с Русью и затем – Россией, практически исчезла, некоторые ученые придерживались старых позиций, кто-то выдвинул принципиально другие идеи, как, например, Э.С. Кульпин.

Что же касается кочевых народов евразийских степей, с которыми контактировала Киевская Русь до монгольского завоевания, то эти народы были признаны исчезнувшими почти бесследно к концу XIII в., и длительное время изучение истории хазар, печенегов, торков, болгар и половцев велось не столь углубленно и преимущественно – в контексте истории Киевской Руси. Даже появилась гипотеза о полном истреблении половцев татарами-монголами, предками современных татар, которыми некоторые историки до сих пор считают, образно говоря, пришедших из азиатских степей воинов Батыя.

Обращаясь к евразийской теории, мы видим многовековой симбиоз русского народа и его предков с номадами Евразии, их отношения, разумеется, не всегда носили мирный и позитивный характер. Кочевые и полукочевые культуры Евразии оказали серьезное воздействие на ход исторического развития русского народа. Если мы сопоставим периоды спадов и подъемов развития Русского государства с процессами, имевшими место в евразийских степях, то увидим их тесную связь.

В свое время последователь Петра Савицкого – Лев Гумилев – обратил внимание на циклический характер истории номадов Евразии, он связал эти циклы с климатическими изменениями [4] (засухи и увлажнения степи), но немного позднее увлекся сильно оспариваемой в науке теорией пассионарности, объяснив через ее призму историческое развитие не только евразийских номадов, но и всего человечества. Вместе с тем, интерпретируя историю древних тюрков посредством теории пассионарности, Л.Н. Гумилев обошел стороной вопросы демографии, хотя в некоторых трудах он их касается. Упадок Восточного тюркского каганата он объясняет снижением уровня все той же пассионарности у кочевников, а не в действительности имевшим место голодом, случившимся вследствие перенаселения монгольских степей [5].

Вся история кочевников Евразии носит циклический характер, это – демографические циклы. Когда рост населения в периоды существования кочевых империй достигал своего определенного максимума, например, для Монголии он составлял 600 тысяч человек, травянистый покров степи истощался. Как доказывает Э.С. Кульпин, данное обстоятельство привело к гибели Золотую Орду [6]. Кочевые империи создавали положительные условия для демографического роста: высокая степень безопасности, доступ кочевников к рынкам земледельческих народов и к достижениям их цивилизаций. По Э.С. Кульпину, вследствие демографического роста в степи наступал голод и распад в ходе междоусобных войн кочевых империй [7], исходя из этой концепции, можно проследить циклы подъема и распада крупнейших государственных образований у кочевников.

Обращаясь к истории древних кочевников, нам трудно проследить у них циклы развития из-за недостаточного объема информации, но начиная с Тюркского каганата, мы можем четко увидеть периоды демографического подъема и спада в евразийских степях.

Тюркский каганат образовался в середине VI в., через почти полсотни лет он распадается на две части – западную и восточную. Для первой трети VII в. мы обнаруживаем сообщения китайских источников о массовом голоде среди тюрков, после чего следует гибель их Восточного каганата. Вероятно, голод имел место среди западных тюрков, их империя тоже распалась, правда, позднее. Преемником Западного тюркского каганата стала Хазария, на время ей удалось поставить под контроль степи Поволжья, Дона, Кубани и Причерноморья, но войны с арабами обескровили хазар, после чего произошел упадок их государства. Именно в период расцвета Хазарского каганата происходит колонизация славянами Дона [8], отдельных районов Поволжья (правда, некоторые исследователи считают, что славяне дошли только до Северного Донца [9]).

Движение славян вниз по Днепру и Северному Донцу относится в основном к VII в., это означает, что хазары и славяне имели тогда хорошие отношения, таким образом, мы имеем пример, когда полукочевая империя покровительствовала земледельческой культуре, вызывая рост этой культуры. Поэтому кочевники и земледельцы не всегда были врагами. Однако, по всей видимости, хазары все-таки ограничивали движения славянских поселенцев в излучине Дона, поскольку после неудач хазар в войнах с арабами начинается сравнительно недолгое противостояние каганата с племенами славян. Есть вполне обоснованная версия, что хазары специально переселили на Дон алан, чтобы сдерживать славянский натиск [10]. Хазары так и не смогли восстановить свой людской потенциал после войн с арабами [11], это позволило Русскому государству осуществить экспансию на юго-восток от Днепра, дружины Святослава дошли до дельты Волги. Таким образом, последнее государство-преемник Тюркского каганата рухнуло, и восточноевропейские степи открылись для варварских племен печенегов, огузов (торков) и половцев.

Плохо организованные и малочисленные печенеги не могли представлять серьезной угрозы для Киевской Руси, их внимание в основном привлекали Балканы. С русскими у печенегов до князя Святослава было только два вооруженных столкновения. После гибели Святослава вплоть до вокняжения Владимира Святого никаких набегов печенегов на русские земли не было. Столкновение русских с печенегами в конце X в. произошло в основном из-за проблемы колонизации земледельцами лесостепи и, возможно, попыток насильственной христианизации печенегов. Так или иначе, но мы имеем определенное свиде-

тельство того, что Причерноморье в середине X в. находилось под контролем Руси, это – русско-византийский договор 944 г.

Обратимся к некоторым пунктам русско-византийского договора 944 года, перевод которого приведен у Карамзина. Интересен, например, пункт IX: «Русские да не творят никакого зла херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у св. Еферия; но при наступлении осени да идут в дома свои, в Русскую землю» [12]. Это означает, что русские и нападали на византийских рыбаков, и зимовали в устье Днепра, словом, хозяйничали в этой части Причерноморья, что, в принципе, противоречит концепции самого же Карамзина о печенежской угрозе Руси.

Но, допустим, какие-то племенные дружины восточных славян действовали эпизодически в низовьях Днепра, но вот другой пункт того же договора, указывающий нам на юридическую принадлежность степей Причерноморья Руси: «Ежели Русские найдут у берега ладью Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убьет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому» [13]. Заметим, в этом пункте четко указывается русская юрисдикция северных берегов Черного моря, о печенегах и хазарах ни слова, если бы они имели какие-либо права на устье Днепра и прилегающие к нему береговые зоны, то это нашло бы отражение в договоре. Но, допустим, что речь идет о некоей ничейной земле, печенегов византийцы не рассматривали как народ, с которым стоит считаться, а русские опять-таки могли эпизодически появляться на побережье во время своих торговых экспедиций.

Но десятый пункт договора уже напрямую дает нам понять, что Северное Причерноморье было тогда под властью Киева: «Князь Русский да не пускает черных болгаров воевать в стране Херсонской» [14]. Черными болгарами византийцы называли кубанских болгар, теперь представим, как могли болгары попасть в Крым, то есть в «страну Херсонскую», они могли это сделать, только следуя через степи Северного Причерноморья. Значит, Рюриковичи решали, кому проходить по землям печенегов, а кому нет.

На смену печенегам пришли половцы, историография по этому народу содержит немало противоречивых материалов, анализ которых выходит за рамки настоящего исследования. Половцы демонстрируют нам важный процесс в евразийской степи – начало демографического подъема, в отличие от малочисленных печенегов, огузов и булгар, половцы обладали достаточно крупной численностью. Если половцы выступают показателем начала демографического подъема, то монголы находились на его зрелой стадии.

Принципы построения Монгольской империи в значительной степени повторяли основы Тюркского каганата и державы хунну. Пик демографического роста в империи монголов был достигнут к середине XIV в., и тогда же как на востоке, так и на западе владений рода Чингизидов развиваются междоусобицы, степь переживала перенаселение. Таким образом, независимое Русское государство сложилось на границах леса и степи, а именно там располагалось первоначальное главное месторазвитие русской цивилизации в силу благоприятных климатических условий, и произошло это в период демографического спада в степях Евразии, вызванного голодом и столкновениями кочевников с развитыми земледельческими цивилизациями – Китаем, Персией и арабским миром.

Демографический спад в степях пришелся на середину VII – XII в.в. До VII в. славяне на Великорусской равнине являлись малочисленными и плохо организованными сообществами кочевых земледельцев-колонистов. Когда Хазарский каганат клонился к упадку, государственные образования восточных славян укреплялись. Расцвет Древнерусского государства приходится именно на период упадка номадов, порожденное этим обстоятельством отсутствие серьезной внешней угрозы привело русскую знать к междоусобицам, а Русское государство к распаду, который почти совпал с началом нового демографического подъема у кочевников.

Графически демографические циклы номадов Евразии можно представить так (см. рис. 1):

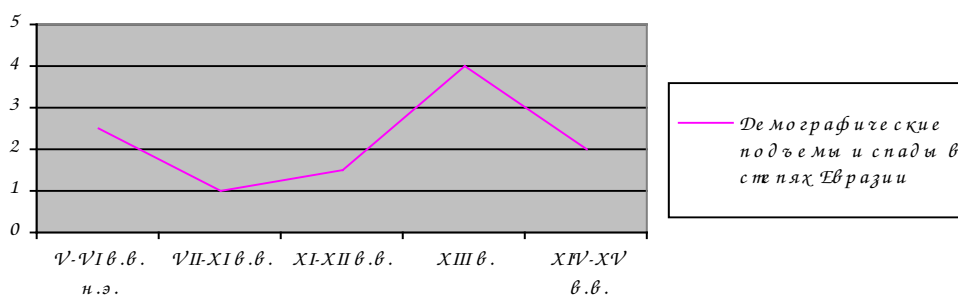

Рис. 1. Демографические циклы евразийских степей (по вертикальной оси приблизительная численность номадов, рассчитанная по работам Э.С. Кульпина [15], Л.Н. Гумилева [16], Н.Я. Бичурина [17], Ю.С. Худякова [18] и по косвенным данным исследования демографии народов Сибири Нового времени С.Г. Скобелева [19])

По рис. 1 нетрудно заметить, что периоды подъема Русского государства в средние века приходятся именно на эпохи демографических спадов в степях Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX – XIII века // Вопросы истории, 1962. – № 4. – С. 40, а также Каргалов В.В. Русь и кочевники. – М.: Вече, 2008. – С. 54.
- 2 И.В. Зайцев. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – первая половина XVI вв.). – М., 2004. – С. 22.
- 3 Смирнов И.И. Восточная политика Ивана IV // 120 лет Ленинградскому государственному университету. Научная сессия. Тезисы докладов. – Л., 1939. – С. 92 – 93.
- 4 Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 100–103.
- 5 Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 233.
- 6 Э.С. Кульпин. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- 7 Э.С. Кульпин. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- 8 Рыбаков Б.А. Древние славяне в Причерноморье. Славяне, 1954. – № 2. – С. 23.
- 9 См.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1968.
- 10 Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант

- салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. - Вып. 2; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. – М., 1993. – С. 123-150, а также А.В. Комар, О.В. Сухобоков. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. – № 2,3. – 2000.
- 11 Подробно об арабо-хазарских войнах смотрите: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1968.
- 12 Цитата по: Н.М. Карамзин. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Т. I. – С. 79.
- 13 Н.М. Карамзин. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Т. I, – С. 79.
- 14 Н.М. Карамзин. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Т. I. – С. 79.
- 15 Э.С. Кульпин. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- 16 Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Алгоритм, 2007.
- 17 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950.
- 18 Ю.С. Худяков. Золотая волчья голова на боевых знамена: Оружие и войны тюрков в степях Евразии. – СПб., 2007.
- 19 Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII - XX вв. Колебания численности и их причины // Электронный журнал «Сибирская заимка» URL: http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml

G. Popov

DEMOGRAPHIC CYCLES OF NOMADS OF EURASIA IN A CONTEXT OF HISTORICAL PROCESS OF MEDIEVAL RUSSIA

Abstract: The present article is devoted a problem of demographic cycles in steppes of Eurasia and their communication with Russian historical process in the Middle Ages. The idea settles that demographic cycles *номадов* have made key impact on development of Russia.

Key words: the Middle Ages, Russia, Eurasia, nomads, demographic cycles.